

В традиции русской философии. НАШ СОВРЕМЕННОК СОКРАТ

Автор: Г. Г. ВОДОЛАЗОВ

Письмо десятое

Спешу, очень спешу, Платон. Успеть бы! Когда начал эти письма писать, думал в два-три письма все уложу. Кратко скажу главное - и дело с концом. А теперь вот вижу - и десяти мало. Описание проблемы разрастается, обрастает побочными, но очень важными для понимания главного ходами. Да я и сам увлекся: в процессе писания что-то мне и самому приоткрылось, многое самому стало яснее. И теперь уж грех не положить на бумагу всю эту проясненность разума. Крамольная мысль залетает мне в голову: вот для того, чтобы довести всю эту писанину до конца, можно, пожалуй, было бы и рвануть из моей темницы куда-нибудь в Фессалию. Но это так - шальная идея. Я постараюсь успеть. Я буду писать, если понадобится - с раннего утра и до позднего вечера - все мои оставшиеся дни. Я должен успеть - во что бы то ни стало.

Тот разговор в доме Кефала, проблемы, вдруг выросшие в нем, стали для меня потрясением. А мои молодые собеседники как-то легко и быстро переключились на другое. Хлебнув остатки вина, они гурьбой повалили на ночную конную эстафету, возбужденно обсуждая перспективы предстоящего соревнования, его возможных победителей, и, думаю, напрочь забыв о всех тонкостях нашего философского спора. Да и то: понять "природу" и "назначение" человека - да это не поймешь ни сегодня, ни завтра, ни в ближайшие сто лет, только голову без толку наломаешь, засоришь не нужными сегодня материями. А вот кто придет первым сегодня, сейчас - фессалиец, македонец или их соотечественник афинянин - это реальность, насущная, увлекательная...

А я пошел домой, в Афины. Семь километров хода. Шел и думал. Ночь, тишина... На ходу, я заметил, хорошо думается. И - чтобы под открытым небом, среди полей, трав, деревьев. Кажется, что не просто ты думаешь, а - ты **вместе** с этими травами, деревьями, облаками. Мысли, словно испарения земли, поднимаются в твою голову, живут, нижутся в стройные ряды, перекликаются друг с другом - то сталкиваются в жарком споре, то счастливо сходятся в согласии. Только не мешать им, только следить за их жизнью - с удивлением, зачарованностью и..., как бы немного со стороны, - словно это не ты, словно это кто-то другой, очень Спокойный и Мудрый, думает. Удивительна эта жизнь духа!

Мне многое открылось в ту ночь, Платон. Видно, почва моей души была уже хорошо распаханна предыдущими размышлениями, видно, была она уже засеяна зернами буду-

Окончание. Начало см. "Общественные науки и современность". 2005. N 5, 6; 2006. N 1.

Водолазов Григорий Григорьевич - доктор философских наук, вице-президент Академии политической науки.

щего интеллектуального урожая, и, наверное, тот наш разговор был для них каким-то неожиданным и щедрым дождевым потоком, пустившим эти зерна в рост.

И вот, чтобы ты понял, что именно я понадумал в ту ночь, как это "надуманное" росло и развивалось дальше (приведа, между прочим, меня к моему нынешнему состоянию - ожиданию смертельной цикуты), мне нужно поподробнее рассказать тебе об этих исканиях, о тех "зернах", что в течение многих лет ложились в эту почву. Наберись терпения, Платон, и выслушай.

...Прерываюсь. Только что приходил мой охранник и взволнованно (ибо сочувствует мне) сообщил, что корабль наш с дельфийских игр завтра приплывает в Афины. Значит, послезавтра мне дадут долгожданное меня зелье. И стало быть, никаких "нескольких" дней, на которые я рассчитывал, для моих писаний тебе у меня уже нет. Сегодня отдам все свои последние земные распоряжения, а весь завтрашний день посвящу своему последнему письму тебе - максимально возможно досказать, что еще не досказано. Успею ли? Все время немного не хватает - *жизни*, чтобы додумать до конца все свои мысли, чтобы завершить все начатое, *дней*, чтобы выполнить задуманное (это я - о письмах тебе), *часов и минут*, чтобы обстоятельно попрощаться с родными и друзьями...

Письмо одиннадцатое

Итак, завтра я ухожу от вас, Платон.

Мой добрейший стражник (называю его "добрейшим" без всякой иронии - все, что было в его силах и возможностях, он для меня делал: был сердечен в обращении, не стеснял в общении с друзьями и родственниками, заботился, чтобы вовремя и вкусно меня накормить...), мой, повторяю, добрейший стражник уже поведал мне, что ждет меня завтра. Очень толково рассказал, как будет действовать даруемый мне афинскими гражданами яд: вначале онемеют ступни ног, потом омертвляющий холод будет подниматься к коленям, выше, выше - под самое сердце... Мой заботливый страж дал несколько дельных советов, как все это перенести наиболее легким образом - когда сесть, когда лечь, когда и на какой бок перевернуться, дабы с полным комфортом встретить час своего ухода. В общем, практически я полностью готов к завтрашней процедуре. Осталось вот только написать несколько строк (точнее - несколько страниц) тебе. Написать последнее и - хочу верить - самое главное. Не просчитался ли я, Платон? Не ошибся ли, отдавая свою жизнь за...что? Да, за что же я отдаю ее?

Началось все... Нет, я не могу назвать ни точной даты, ни какого-то конкретного события, когда что-то стонулось, что-то перевернулось в моих мыслях, в моей душе. Перелом, сдвиг готовился постепенно. Некая масса душевного дискомфорта накапливалась постепенно - капли, долбящие камень. В ту ночь, когда я, покинув жилище Кефала, шел домой из Пирея в Афины, я мысленно пробежался по ступенькам развития моего сознания.

Я был очень послушным юношей, Платон. Не только законопослушным (об этом и говорить нечего!), но просто послушным. Я был очень доверчив и любил учиться. Старшие мне все казались очень мудрыми людьми - опытными в жизни, многознающими; я впитывал их советы, внимал их традициям и обычаям.

А уж как я относился к учителям! Это было особенное почитание. Я был уверен, что они знают все - так уверенно, так твердо учили они. И моя задача, я был убежден, состояла лишь в том, чтобы усвоить предлагаемые мне знания.

Законы, обычаи, традиции моего полиса были для меня священны. Имена Мильтиада, Фемистокла, Перикла я произносил с сыновней любовью и трепетом.

А наши предания, наши рассказы, песни и гимны о богах! Я их впитал с молоком матери - с почтением и благоговением. "Илиада" Гомера - это и была для меня Эллада. Я постоянно был с ее героями. Я был Ахиллесом, Патроклом... В мечтах и снах сражался за наше дорогое отечество. И знал, что во всех сражениях и битвах за моими плечами -

мои сограждане и наши прекрасные и вдохновенные Боги. Я твердо, неколебимо знал: выпадет мне судьба - стану Ахиллесом, Патроком.

Да, вот таким был я. Все это было так чисто, так свято. Впоследствии я частенько тосковал по этому состоянию душевного равновесия, жизненной полноты, высоты и чистоты помыслов. Это ж такое счастье - когда все жизненные ориентиры так определены, когда все так ясно - только учись и живи в согласии с этими идеалами: защищай до последней капли крови свое отечество, своих соплеменников, будь мужествен, прям, открыт, добр, безукоризненно честен. За тобой - история твоей родины, твой народ, твои боги. Но в эти чистые и ясные краски постепенно начали вплетаться какие-то диссонирующие оттенки. И по мере того, как я взрослел (и, наверное, умнел), эти, поначалу едва заметные, диссонансы становились все зримее, все беспокойнее, нарушая ясность жизненных установок. На безоблачное небо моих идеалов начали набегать темные тучки.

Тускнели образы моих кумиров: я узнавал о непомерном честолюбии и мелком тщеславии Фемистокла, о совершенно неоправданной жестокости Мильтиада. Я начал сомневаться в мудрости коллективного сознания афинян, совершавших порой чудовищные вещи - изгнание безупречного Аристида, травля гениального Анаксагора, зависть и ненависть по отношению к тем, кто хоть немного поднимался над интеллектуальным горизонтом толпы.

Самое печальное (ибо я очень дорожил этим): пропадало благоговение перед богами. Сколько мелочного, несимпатичного, низкочеловеческого открывал я в их поведении - коварство, интриги, неблагодарность, лживость, бессердечность. Мутнел свет, лившийся от них в мою душу. А потом я наткнулся на фразу Ксенофона (?), которая довершила процесс развала моего почитания. "Если бы у лошадей были боги, - однажды иронически бросил он, - они были бы похожи на лошадей". Ты видел, Платон, какими представляют себе богов эфиопы? Черными с плоскими носами и выпяченными вперед большими губами - взлетевшие на небо эфиопы! Так кто же кого создал, Платон, боги - нас, или мы - богов?

Меня стали смешить все эти фокусы с предсказаниями оракулов и пифий. Бьется в истерике, в падучей человек, надыхавшийся мутящими сознание парами, поднимающимися из горных расщелин, выкрикивает нечто несообразное, а мудрые мужи принимают это за голоса свыше, вслушиваются, вдумываются в эту галиматью. "Дерево спасет Афины!" - бормочет бьющаяся в истерическом припадке пифия. "Дерево спасет" - что бы это значило? О, да это совет строить вокруг Афин деревянные стены! "Да нет, - гремит в ответ Фемистокл. - Это означает - строить флот, мощный и сильный. Это "дерево" кораблей и будет спасителем отечества". В общем, толку оракульский бред, как твои интересы (или интересы твоего племени) подсказывают.

А эти "приметы", тоже посылаемые "свыше" - комедия! О, птицы поднялись слева - быть поражению! А вот - справа, значит - победа! И никакого искусства полководца не требуется, и мужество граждан излишне - достаточно, видишь ли, чтобы птички *справа* взлетели.

Я не могу сказать, что все мои идеалы и принципы рухнули. Нет, они, в общем-то, остались - большинство моих представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо, но в *обоснование* их я перестал слепо верить. Для меня уже был недостаточен довод, что так-де исстари повелось в Афинах, что так-де думали и поступали наши предки. Я требовал объяснений: а *почему* они так думали, почему они так поступали. Я требовал доказательств и объяснений. И - не получал их. Я видел при этом, что подобные мысли и сомнения - штука небезопасная: "афинские мужи" довольно сурово преследовали критиков их традиций. Можно было бы, конечно, выбросить весь этот скепсис из головы, затаиться - и жить, "как все", "как принято". Но это, как ты знаешь, не для меня. Голова и характер как-то иначе устроены. Я стал метаться в поисках выхода, в поисках людей, думающих подобно мне. Людей, которые стремились бы в своих объяснениях опираться на разум и главным аргументом которых было бы Доказательство, а не Уверение.

И в этих метаниях я натолкнулся на тех, кого называли "физиками", или "натурфилософами". На мудрецов, в первую очередь, из Милета - Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра. В их лице я нашел новых, устраивающих меня учителей, и ревностным учеником ринулся к ним на учебу.

Мне нравилось их прямостояние. Спину не гнули ни перед кем - ни перед царями, ни перед богами. Они не сказки про силы небесные рассказывали, а пытались природу, дотошно и строго, - как произошел этот мир, в котором нам суждено жить, по какой логике, по каким законам он изменяется. Их очищающее, освобождающее влияние на мой разум было громадно: так летние грозы прибывают к земле пыль - и на смену душному и застоному воздуху приходит первозданная чистота и свежесть - дыши, не надышишься!

Нет, боги у них - так чтоб уж совсем - не исчезли. Но пространство их бытия и деятельности резко сузилось. Они стали у них чем-то вроде поэтических, нравственных образов, с помощью которых формируют нравственное и эстетическое сознание людей. Они перестали быть реальными участниками мира природы и мира людей. Какой надо было обладать научной и человеческой смелостью, чтобы заявить, подобно этим мудрецам из Милета: не воля богов, а естественные силы, свойства природных тел движут события, и человек способен познать эти события и эти свойства.

На место, где прежде были всем заправляющие боги, Фалес поставил некое вполне реальное, природное, естественное начало, некое "первовещество", из себя порождающее все сущее. Он назвал это первовещество, это животворное начало всего "водой". Все - из нее, и все - в нее! Богам здесь нет места!

Я был снова счастлив. Мир снова стал для меня прозрачным и ясным. У меня снова под ногами твердая почва. Я знаю людей, которые знают все и которые все могут объяснить доводами **разума**. Я с головой окунулся в их учения.

Но и это счастье оказалось недолговечным. Почему-то мудрецы, учителя мои, никак не могли договориться - каково же оно, это "первовещество". Анаксимену показалось, что фалесовская "вода" - слишком грубая, слишком сложная субстанция для того, чтобы быть "самой первой". Она сама - превращенная форма другого, более простого и более подвижного вещества. И таковым он предложил считать "воздух". А Анаксимандру и его ученикам "воздух" показался чересчур "определенным" и достаточно сложным образованием. И в основе всего, по их мнению, должно быть нечто еще более простое и еще менее определенное. И такое вещество, совершенно лишенное качеств, но способное к их обретению, они наименовали "апейроном". Гераклит (из Эфеса) предложил свою версию: все - из "огня", все, что ни есть, - превращенная форма "огня".

Таким образом, почва, на которую я так счастливо и с такой надеждой взгромоздился, оказалась не очень твердой и буквально поплыла у меня под ногами.

Идея "первовещества" оказалась не менее иррациональной, чем идея "богов" - то же фантазирование, те же уверения вместо убеждения, та же Вера вместо Знания. Да и то: какое может быть *знание* о том, что существовало где-то в недосыгаемой для нашего взора глубине времен?

Но главное мое разочарование было связано даже не с этим разномыслием моих учителей о природе первовещества, а с более фундаментальным пороком их теорий, их системы мышления.

Ну, вот, предположим, что мы, в соответствии с их логикой, установили достаточно отчетливо, каким именно было это "первовещество" (сделаем такую уступку милетцам, возьмем этот, идеальный для них, вариант). Пусть это будет вода, воздух, апейрон, да что угодно. Далее выясним, как это первовещество порождает второе, третье, четвертое, вообще - все многообразие природного мира.

Ну, и какую картину мира в итоге дает нам это идеальное, до конца реализованное учение милетцев?

А - такую, в которой мир этот оказывается цепочкой материальных причин, развертывающейся без всякой "цели" и без всякого смысла. Вселенская бессмыслица! Течет себе первовода, струится первовоздух, горит первоогонь, порождая то одно, то другое,

то третье - и все это неизвестно зачем, неизвестно для чего. Так, пустая и бессмысленная игра природных сил - некое переливание из пустого в порожнее.

А где же вопрос, который все время у меня (да, я знаю - и у многих других) на кончике языка: а **зачем** все это? Есть ли во всем этом движении первовещества и во всех этих его превращениях какой-то "смысл", "цель", "замысел"?

Могут сказать (и мне не однажды говорили), что вопросы эти ("зачем?", "в чем смысл?", "с какой целью?") некорректны по отношению к природе и вселенной. Нет в них никаких ни "замыслов", ни "целей". Не знаю, может быть. Но вопрос этот вы все-таки поставьте. Ведь он не праздный, коли постоянно, вновь и вновь, ставится каждым новым поколением людей. Поставьте, рассмотрите его. Пожалуйста, можете сделать любое заключение. Но у милетцев сам этот **вопрос** отсутствует. Вот где я с ними особенно разошелся. Мне-то кажется, что именно этот вопрос должен рассматриваться в качестве центральной задачи познания. И я принялся размышлять над ним.

Не могу сказать, Платон, что я (даже сегодня, на исходе своей жизни) в состоянии убедительно и развернуто ответить на него. Но у меня есть серьезные основания полагать, что мир - не бессмыслен, что он - не вселенская бессмыслица, что в мире есть нечто такое, что близко к таким понятиям, как "замысел", "цель", "целесообразность", "гармония" и т.п. Ведь это же нелепо - предполагать, что в деятельности человека, одного из звеньев природной "цепи", есть "замыслы" и "цели", а у природы (то есть у всей "цепи") их нет. Как же можно тогда говорить об **осмысленности** человеческой деятельности, если она вплетается в бессмысленную цепь? Не может быть осмысленного звена в бессмысленной цепи! Откуда же будут браться и куда будут "впадать" "смыслы" этого специфического звена? В бессмысленной цепи **все** звенья должны быть бессмысленны. И наоборот: если в неразрывной, целостной цепи хотя бы одно звено наполнено смыслом, то и вся цепь должна обладать каким-то сходным, каким-то соответствующим, каким-то "смыслоподобным" качеством.

Ты понимаешь, в чем специфика моего подхода? Я не из природных "смыслов" и "целей" (откуда я почерпну знание о них?) вывожу человеческие. Я от человеческой осмысленности (о ней-то я, с большей или меньшей достоверностью, кое-что сказать могу) иду к природной. Я не из всеобщего закона вывожу частный. Я от несомненно установленного частного закона восхожу ко всеобщему.

И еще одно обстоятельство, дающее мне основание говорить о внутренних "смыслах" природного бытия. Когда мы говорим, что *человек* мыслит, познает, говорит, мы как-то упускаем из виду, что это ведь не просто *человек* говорит, а - поскольку человек является частью, органом природы - это вся *природа* говорит (голосом человека), это не просто *человек* мыслит, это *природа* мыслит (посредством человека), это не просто *человек* познает, это с помощью и через человека *природа* познает самое себя. Человек есть, по сути, - самосознание природы. И потому все характеристики человеческой деятельности это одновременно и характеристики природного бытия - в первую очередь, в той его сфере, которая является пространством деятельности человека. За рамками этого, человеческого, пространства характеристики, присущие человеческой деятельности ("цели", "смыслы" и т.п.), тоже присутствуют, но содержат в себе, по-видимому, какие-то дополнительные, специфические черты, отражающие несколько иной, "не-человеческий", характер "целесообразности" и, вследствие этого, должны быть нами названы как-то иначе, дабы общеприродная "целесообразность" не отождествлялась целиком с "целесообразностью" человеческой деятельности (я употребляю здесь термин "целесообразность" за неимением пока другого, более точно выражающего суть дела, понятия).

В природе, иначе говоря, существуют как бы два ряда причинности - **физическая** (которую изучали натурфилософы) и, так сказать, **целевая** причинность, изучение которой не менее (а может и более) важно, чем изучение первой.

Боюсь быть чересчур многословным, но чтобы еще понятней, еще наглядней сделать мою мысль, приведу вот какой пример.

Почему, поставим мы вопрос, Сократ в данный момент находится в тюрьме, а, скажем, не у себя дома? Тому есть, во-первых, целая цепь чисто физических причин, кото-

рые натурфилософы могли бы изложить с достойной уважения основательностью: "Сократ в тюрьме. А не дома - потому, что после суда над ним он встал - натянулись его мышцы и сухожилия, начали сгибаться и разгибаться в коленях его ноги, затем ноги стали передвигаться по земле, неся тело Сократа в направлении тюрьмы и т.д., и т.п.". И это верно: на самом деле, без этих физических действий, без этой "игры сухожилий" Сократ не мог бы оказаться там, где он сейчас пишет тебе это письмо. Но есть ведь и еще одна цепочка причин: Сократ в тюрьме еще и потому, что его представления о жизненных принципах и идеалах не совпали с представлениями афинских вожakov. И эта причина, разумеется, гораздо более существенна для понимания того, почему Сократ оказался там, где он оказался. А "логика сухожилий" - лишь внешнее проявление, лишь физическая реализация того, что произошло в сфере духовной, "смысловой".

Думаю, что эти два ряда причин присущи как человеческой деятельности, так и "деятельности" природы в целом.

И вот в период моего интеллектуального разлада с натурфилософами, в период, когда указанным выше образом я размышлял над внутренним "смыслом" бытия, я натолкнулся на идею Анаксагора, которую для себя сразу же назвал "гениальной". Речь идет об идее, связанной с понятием "Нус".

От этого "Нуса", едва прослышав о нем, я был в совершенном восторге. Вот он, размечтался я, лучший ответ на все мои искания и вопросы. "Нус", как узнавал я в передаче друзей Анаксагора, - это некий "внутренний разум" природы, ее "смысл", движущая и всеопределяющая целевая причина.

Анаксагор нашел и удивительно подходящее имя этой силе - "Нус". Имя, позволяющее не отождествлять стоящее за ним содержание ни с одним из известных доселе родственных феноменов. Это не мифологический Бог (хотя и обладает силой, сопоставимой с божественной), это не Первовещество милетцев (хотя, как и оно, является началом всего и пребывает во всем), это и не человеческий Разум (хотя, подобно ему, духовен, наполнен "смыслами" и "целями"). Это именно некий "Нус" - что-то вроде РАЗУМА МИРА.

И снова я - ревностный ученик, уже - Анаксагора. И снова период влюбленности (в Анаксагоровскую идею) завершился очередным разочарованием. Наверное, я слишком много ждал от Анаксагоровского "Нуса", а потому столь сильным было разочарование. Теперь, когда с высоты своих лет я оцениваю его идеи, не могу не воздать им должное - это был громадный прорыв в господствовавшем тогда натурфилософском понимании мира.

И все же Анаксагор все еще путается в паутине натурфилософского мышления. "Нус" у него не стал Всем, не стал Главным и Всеопределяющим в мире. Он все же - нечто подсобное, нечто второстепенное в его теории. Анаксагор все-таки пытается объяснить логику мира, его взаимосвязей с вещными (натурфилософскими) причинами. Он, подобно милетцам, хочет быть строго "научным". И только когда не находит вещных причин происходящих в мире изменений и превращений, он прибегает к такой Причине, как "Нус", - не от хорошей, так сказать, жизни. Мне же хотелось, чтобы "Нус" был ВСЕМ, Главным, СМЫСЛОВОЙ ДУШОЙ мира. И я стал искать, как подобраться к нему, где та дверь, через которую можно войти в его царство, и где тот ключик, что открывает эту дверь.

И мне кажется, я нашел этот драгоценный ключик, Платон. И нашел я его в ходе критики еще одной стороны натурфилософского мышления.

Видишь ли, для натурфилософов "человек" не был какой-то особой, специфической "вещью" среди других "вещей". Он для них был тем, что и все существующее, - превращенная форма "воды", "огня", "воздуха"; он подчиняется законам этих стихий и существует, как и все на свете, в соответствии с этими законами. И ты знаешь, поначалу это утверждение не только не коробило, не смущало меня, но, наоборот, оно казалось мне очень важным, ценным и почти очевидным. Ну, как же: человек - это часть природы, он действует в рамках ее законов. Законов естественных, познаваемых. Он не игрушка в руках богов. Не быть игрушкой в чьих бы то ни было руках - это в их позиции меня особенно подкупало. Но потом, вникая глубже и глубже в логику размышления моих

милетских учителей, я заметил, что человек, перестав быть зависимым от богов, становится "зависимым" от... законов "воды", "воздуха", "апейрона". Причем - зависимым всецело, абсолютно. Он - вещь среди других, принципиально ему подобных, вещей. Как и они, он живет исключительно в пространстве жесткой природной *необходимости*. В поступках, в деятельности человека все в такой же степени необходимо, в какой столкнутый с горы камень летит вниз, а не на небеса ("хочет" он того или нет).

Мне не нравилось это, Платон. Я не столько разумом, сколько всем своим существом ощущал, что это не так. Что "человек" - это вовсе не "вещь среди других подобных вещей". Да, конечно, он - из *этого* мира и в *этом* мире. Да, в силу этого он подчиняется законам природы - как камень или вода: столкнутый с обрыва, он полетит, подобно камню, вниз, а не вверх - по тем же самым, что и камень, законам. Это так. Но Человек одновременно - и нечто отличное, **принципиально** отличное от камня и **всех** других вещей. Только Человек (причем в главной для себя сфере деятельности) реагирует на воздействия извне не пассивно, не непосредственно. Он преобразует эти воздействия в свою волевую и умственную энергию - и **выбирает**, решает, как именно, каким образом ему реагировать. Иначе говоря, он все время **решает проблемы**. Не кто-то за него решает, а он сам. У него всегда есть **выбор**, и он может на одно и то же воздействие реагировать **по-разному**. А где есть пространство **выбора** - там появляется пространство **свободы**. У милетцев, я заметил, "свобода" и "случайность" практически отсутствуют. Все - необходимо. "Мы говорим: человек действует "свободно", обстоятельства его деятельности "случайны" лишь тогда, - внушали мне мудрецы из Милета, - когда нами не выявлены и не поняты действительные причины происхождения и "обстоятельств", и "человеческих действий"; найди, определи эти причины - и конец и "свободе", и "случайности", все - необходимо!". Я по-другому смотрю на эти вещи. Сейчас я сформулирую одно парадоксальное (на первый взгляд!) положение, которое, однако, абсолютно точно отражает реальность: "Человек *необходимо* действует *свободно*". Перед человеком с *необходимостью* появляются *разные* возможности действий. В каждом пункте его жизненного пути перед ним с необходимостью возникает *развилка* жизненных дорог. Сама суть, сам тип его деятельности - это постоянный *выбор* одного из многого. И где, повторяю, есть пространство *выбора*, там есть пространство *свободы*. В этом пространстве живет только человек, и никто другой, и ничто другое. Пространство Человека - это, стало быть, особое пространство, это, можно даже сказать, *особый мир*. Вселенная, Космос, Природа как бы раздваиваются - на мир Природы и мир Человека. Одно только добавление: человек существует и действует одновременно в двух этих мирах - Природном и собственно Человеческом. И эту **двумирность** бытия и следовало зафиксировать и понять.

Вот это понимание *специфики* Человека все больше и больше отделяло и отдаляло меня от моих дорогих учителей из Милета.

В этом контексте очень важна была и еще одна идея, которой я придавал все большее и большее значение. Идея, на первый взгляд, очевидная, но смысл которой и выводы из которой далеко не очевидны. Идея - что только через призму человеческого *сознания* мы способны двигаться к пониманию сущности мира. И главное неочевидное следствие, вытекающее из этого утверждения, следующее: если все знания о мире мы получаем через такой "инструмент", как сознание человека, то надо, в таком случае, основательно присмотреться к этому "инструменту" - дает ли он нам действительную картину мира или, в силу своего несовершенства, искажает ее - дает нам не столько представление о мире, сколько о своих собственных свойствах и состояниях.

Так, потихоньку-полегоньку, начал я размышлять над сим вопросом. "Потихоньку-полегоньку" - потому что не было уверенности, в ту ли сторону я двинулся. Страшно восставать против учительской мудрости, страшно оставаться одному против всех. Откуда-то изнутри поднимается тревожная, трусливая мыслишка: неужто ты один такой "мудрый", неужто никто до тебя до этого не додумался, неужто гениальный Фалес просмотрел это, а ты, простой человечешко, заметил?

Но мне снова повезло. Судьба в помощь мне послала Протагора. Снова я не один, снова есть у меня мудрый учитель, на которого можно опереться и к которому можно мне, маленькому, обыкновенному человеку, прислониться. "Человек - есть мера всех вещей!" - с восторгом повторял я вслед за Протагором его знаменитый тезис. Именно так: все, что мы знаем о вещах, все это - продукт человеческого сознания, все это пропущено через него.

Могут сказать: а что тут особо мудрого, особо, по сравнению с милетцами, нового в этой формуле Протагора? Что, милетцы не догадывались, что все, что мы знаем, выдано сознанием человека? А чьим же, простите, еще сознанием оно может выдаваться? Да, тут тонкая грань, разделяющая Протагора и милетцев. Мудрецы из Милета, конечно же, знали, что не с неба нам сваливается знание о мире. Но они просто не задумывались о том, как к нам приходят эти знания, не ставили вопроса ни о механизме их получения, ни о специфике "инструмента", с помощью которого мы получаем их. Они просто брали эти знания как некую данность. То есть они не отличали "теней" вещей (то, как они существуют в нашем сознании) от того, как они реально, во внешнем мире, существуют. Они даже не поставили вопроса о том, не приносит ли человеческое сознание что-либо в свойства познаваемых им вещей. А Протагор *эту* проблему поставил в центр своих размышлений. Поскольку человек - мера всех вещей, поскольку сведения о вещах мы получаем только через сознание, то и следует основательно изучить этот "инструмент". Отсюда еще одно требование, вытекающее из его формулы: **познай самого себя!** То есть - познай, как и в какой степени ты можешь познать окружающий тебя мир!

Но едва я, полный надежды, пошел за Протагором, как снова - проблема. Я вдруг увидел, что от Протагора расходятся две дорожки. Сам Протагор лишь слегка потоптался у этой развилки, не двинувшись дальше ни по одному из направлений. И потому после Протагора каждому (и мне, в том числе) предстояло самостоятельно выбирать - по какой из дорожек двинуться дальше.

Одна - это та, по которой кинулась основная масса мыслителей, получивших имя "софистов". Увлеченные идеей Протагора о том, что мир, с которым имеем мы дело, - это лишь картина, рисуемая нашим сознанием, они представили дело так, что, стало быть, с миром как таковым, и истиной как таковой, мы дела не имеем и иметь в принципе не можем. Человеческое сознание по *своим* законам (что, в понимании софистов, означало "по своему произволу") творит наши представления о мире. И потому, когда мы что-то кому-то доказываем, то победой в нашем споре становятся не положения, соответствующие свойствам и связям внешнего мира, то есть - истине (ибо некому, негде и нечем устанавливать это соответствие), а положения, наиболее изящно, наиболее виртуозно, а то и наиболее *ловко* "доказанные". Все субъективно и произвольно. **Истины нет.** Есть лишь искусство оперирования словами.

Основная идея софистов, разумеется, ложна. И сейчас я скажу почему. Но прежде воздам им должное вот в каком отношении: воспевая силы (хотя и в искаженно-преувеличенной форме) человеческого интеллекта, они воспитали у нескольких поколений греков преклонение перед этим инструментом познания. Они были энергичными критиками пассивности и покорности; они защищали самостоятельность интеллекта индивида от натиска усредненных стандартов толпы. В разуме, в интеллекте человека они видели главный источник его силы и свободы. Но, увы, Платон, ни одна, даже самая прекрасная, идея не бывает настолько прекрасной, чтобы ее нельзя было довести до абсурда. Софисты и довели идею Протагора до абсурда. Свои виртуозные логические ходы они нередко использовали для того, чтобы "доказывать" очевидные нелепости. Они гордились, если путем словесных манипуляций им удавалось "доказать", что черное - это белое, а прямое - это кривое. Они хотели ввести человека в мир свободы, а ввели в мир произвола и хаоса.

Я пошел от Протагора по другой дорожке. Я видел силу человеческого интеллекта не в обосновании "чего угодно", а в движении к пониманию **сути**, истины человеческого (а через него и природного) бытия.

Вот так соединялись, так смыкались две линии моих размышлений: одна - идущая от Анаксагора (с его идеей Мирового Разума, мировой, предустановленной гармонии, смыслонаполненности и "целесообразности" бытия), и другая - идущая от Протагора (с идеей, что человеческий разум есть именно тот инструмент, который *по природе своей* родствен Мировому Разуму, что сутью этого инструмента является постановка "целей" и отыскание "смыслов" и что поэтому инструмент этот способен проникнуть в тайны Мирового Разума).

Отсюда и рождалась главная задача моих интеллектуальных исканий: совершенствуя и оттачивая инструмент познания (человеческий разум), проникать в тайны Гармонии Мира, по крупицам собирая сведения об общем Замысле Бытия, месте и назначении Человека в этом Замысле - дабы строить жизнь и свою личную, и общечеловеческую во все большем соответствии с этим Замыслом (лучше сказать по-анаксагоровски - с этим "Нусом") и с этим Назначением.

Это и есть ядро той системы знаний, которую мне показалось целесообразным назвать **Философией**. Да, не Наукой (ибо задача науки - давать точные, проверяемые практикой, опытом знания о частных, конкретных сферах бытия и человеческой деятельности; я же веду речь о знании Всеобщего), не Мудростью (присущей милетцам и отличавшейся смещением, неразличением конкретно-научных и всеобще-мировоззренческих построений; я же веду речь о том, что существуют два различных типа познания, со своими специфическими предметами, способами, методами и целями познания). Я называю предлагаемые мной методы и систему знаний Философией, то есть всего лишь *стремлением* к мудрости, к истине - путем долгого и даже бесконечного приближения к ней. И "предмет", "объект" моего наблюдения, изучения и понимания - "Человек и Мир в их единстве и взаимозависимости". Мой метод: познание Мира через Природу Человека и познание Человека через Природу Мира.

...Да, Платон, я не сомневаюсь, что "Нус" этот, этот Мировой Разум существует. И в нем, через него мы, наконец, я уверен, откроем (или скажу мягче - приоткроем) "предназначение" человека. И, уверен, будем в соответствии с этим познанным предназначением, в соответствии с логикой Мирового разума обустраивать свою жизнь.

Но здесь, на этом долгом пути познания, надо будет учесть одну сложность, или одну тонкость - назови как хочешь: человек как индивид связан с Миром Природы и с проникающим его Разумом не прямо, не непосредственно, а через ту среду, которую люди называют "обществом", "государством", "социумом". Это - ближайшее к индивиду пространство Внешнего Мира. Стало быть, призыв "познай самого себя" означает не познание себя как индивида только, но познание той системы связей и отношений, в рамках которой индивид только и может существовать и действовать. "Познай самого себя" означает, таким образом, - познай "смысл", "цель", "назначение" общества, государства и свое место в нем. Познай, иначе говоря, прежде всего свой ближний - человеческий - мир. И только через него приоткроются перспективы познания "дальнего" - природного - Мира.

А у самого входа в этот ближний (человеческий) мир, как оказалось, высится некий барьер, не преодолев, не взяв который, нет шансов проникнуть внутрь этого "ближнего мира". Барьер этот - теоретическая и практическая проблема "Политика и Мораль". В одном из писем я тебе уже писал об этой драме человеческого бытия - о существовании двух рядов требований (моральных и политических), дающих человеку во многих жизненных ситуациях взаимоисключающие рекомендации. Ну, ты помнишь: *моральный* ряд - не лги, не убивай, будь добр, бескорыстен, не прибегай к насилию и т.д., и *политический* - допустимо лгать ("во благо" обществу или отдельному человеку), убивать (если речь о врагах отечества), применять насилие (во имя общественного "порядка")... Морально-нравственный ряд базируется на убеждении, добровольности, равенстве, политический - на принуждении (подкрепляемо всей силой государства) и неравенстве.

Я натолкнулся на поразительную вещь: общество развивается каким-то таким странным образом, что путь к свободе с необходимостью пролегает через пространство несвободы, что путь к обществу доброй воли и ненасилия идет через ступени государственного насилия, а дорога к равенству - через этапы неравенства, и, наконец, путь к че-

ловеческому сообществу, основанному целиком на *нравственных* принципах, пролегает через сообщества, где господствуют принципы *политические*.

Я не взял этого барьера, Платон. Я не разгадал этой загадки. Да, лично я встал на сторону Нравственности. Ее принципами предпочел я руководствоваться во всех ситуациях своей личной и общественной жизни. Она, Нравственность, убежден, составляет истинную природу Человека. И идеальное общество будущего будет, несомненно, обществом Нравственности. Но почему Нравственное в наши времена уступило лидерство Политическому? Я не думаю, что тут произошло какое-то "недоразумение", что в чем-то "ошиблись", что-то "недопоняли" люди. Если бы так, если бы так... Тогда бы исправление, тогда бы возвращение на "истинную", "правильную" (то есть - нравственную) дорогу было бы не слишком сложным и не слишком долгим делом. Но, думаю, не "недоразумение" все это. Во всем этом есть какая-то жесткая необходимость, какая-то не ухватываемая мной пока логика. Я всем своим существом чувствую, и мой "внутренний голос" подсказывает мне, что это - неизбежная и необходимая трагедия, через которую должно пройти человеческое бытие. Но почему? Не знаю! И ни сил, ни времени решить это у меня уже нет, Платон. Но я побуждаю тебя, всех учеников моих, - разобраться поосновательней в этой проблеме и попытаться решить ее. Это, если угодно, и есть мое Завещание вам.

...Фу, устал. Пишу уже несколько часов, без перерыва. Начал писать на восходе солнца, а сейчас уже сумерки, едва различаю написанное. Надо перевести дух. Нет, спать сегодня не буду. Продлю свое жизнебодствование на одну ночь...

Продолжаю несколько часов спустя. Ходил из угла в угол своего убогого жилища, пока не начало светать. Удивительное и символическое это сочетание: погруженные во тьму, спящие глубоким сном Афины и слабая, тонкая багровая полоска, едва высвечивающаяся на горизонте. Не наша ли то "мыслильня", Платон, эта тоненькая багровая полоска над афинским горизонтом, предвещающая неизбежное появление Солнца в небе Эллады?..

Пока, в крошечной тьме, ходил из угла в угол, привиделось мне нечто, тоже весьма символическое. Мне привиделась какая-то пещера, в полумраке которой стоят люди. Они стоят спиной ко входу. Солнечный свет едва проникает - через этот вход, через довольно значительное пространство, отделяющее людей от него. Они стоят, тесно прижатые плечами друг к другу, и не могут повернуться лицом ко входу - какими-то оковами схвачены их руки и ноги - не шевельнуться, не повернуться. Там, за входом в пещеру кипит, бурлит жизнь: что-то там двигается, строится, кто-то передвигается, происходят встречи и столкновения - и все это *теньями* отражается на стенах пещеры, куда только и могут смотреть охваченные оковами люди. Никто из них и никогда не был повернут лицом ко входу и даже не знает о его существовании. Никто не имеет ни малейшего представления ни о бурлящей за этим входом жизни, ни о солнечном свете. Они провели свои жизни в пещерном сумраке, и тени, движущиеся по стенам, представляются им единственной реальностью, реальным миром, окружающим их. Они смотрят на эти тени, "изучают", "познают" их, устанавливают "логику" их взаимоотношений и взаимозависимостей, "законы" их взаимодействия - и называют все это "Наукой". Они придумывают историю их возникновения и выясняют пути их влияния на человеческую жизнь - и совокупность этих фантазий называют Мифологией.

И вот я вижу далее: одному из этих несчастных как-то удается (по-видимому, случайно) слегка повернуть голову и заметить, что сзади есть какой-то источник света. Потом, в силу жгучего любопытства, как-то извернуться - и высвободить из оков одну ногу, другую, потом - руки, шею. Конечно - безболезненно: вон лохмотьями повисла на высвободившихся запястьях кожа, вон - раздробленные пальцы освобожденных ног, вон красно-кровяные подтеки на свободной от оков шее. И все же теперь он свободен! Он ползет, на окровавленных коленях, навстречу льющемуся свету. Он начинает различать те реальные предметы, вещи, что перемещаются там, за входом. Он начинает понимать, что его соплеменники имели дело не с действительным миром, а лишь с его теньями и что действительный путь к счастью - это путь в тот реальный мир, где солнечный свет и настоящие, реальные вещи, способные развить и удовлетворить все

присущие природе человека потребности. И он, вдохновленный этим открытием, возвращается в пещеру, к людям - поведать им о том, что всю жизнь они имели дело с тенями, призраками реального мира, рассказать им о прекрасном, солнечном бытии, позвать их за собой - из оков к Выходу из тьмы.

При этом он отлично понимает, как озлобятся на него начальники этого царства тьмы и как большинство его несчастных соотечественников, свыкшихся со своей сумеречной жизнью, посчитают его сумасшедшим: "Какой "выход"? Какой такой "солнечный свет"? Какая там может быть жизнь за каким-то там "выходом"? Да что он мелет такое, внося сумятицу в нашу такую уютную, такую понятную и привычную жизнь, смущая молодые души, склонные поверить этому ненормальному, этому врагу традиций и порядка?"

Так неужели же он напрасно рвал кожу на запястьях, вырываясь из оков, и кровавил колени, продираясь ко Выходу? Неужели никто не узнает, что он видел там, на солнечном свету? Неужели дорога к Свету будет опять надолго закрыта людям? И он обращается к ним, окованным железом и медью, зовет за собой и на устроенном ему за это суде кричит во весь голос, из последних сил: "Очнитесь! Рвите оковы! Повернитесь - и вы увидите Выход в страну Солнца!"...

В этом кричащем и будящем человеке, Платон, я узнал ...себя!

...Я объяснил, я смог объяснить тебе - во имя чего можно отдать жизнь?

И в заключение - от автора

Он Человек был!

(В. Шекспир. "Гамлет")

О последних часах Сократа нам рассказал Платон. Сократ не был ни "посланником Бога на земле", ни сыном Божьим. Он знал, что ему дарована одна-единственная жизнь и что он никогда не воскреснет. Он знал, что Второго Пришествия его не будет и что страдания его ничем не окупаемы. Он не явил ни одного Чуда. Кроме разве чуда сохранения человеческого достоинства в нечеловеческих обстоятельствах.

Примеры Богов, Полубогов ("героев", то есть сынов божьих, - в древнегреческой лексике) неповторимы для смертного человека. Боги и Полубоги - из другого ведь "материала". Этот материал "неразрушим", в нем нет места боли и настоящим страданиям, сомнениям и страхам. Им, божественным субъектам, легко быть бесстрашными и самоотверженными. Им легко рисковать своими "жизнями", ибо риск этот условный, так как их бессмертные жизни, по сути, не могут быть прерваны.

Не то Сократ. Он - ЧЕЛОВЕК был! И оказалось, что этот "всего лишь ч-е-л-о-в-е-к" способен быть почти что Богом. "Почти что" - потому что, да простят меня античные и современные верующие люди, он выше Богов, он сильнее и добродетельнее их - ибо здесь Смертный поступает подобно Бессмертному, и потому становится выше его.

Вот почему, если бы меня спросили, верующий ли я, - я без колебания бы ответил: "Верующий!.. В Сократа !!"...